

3. «Ловкий человек»

Особую российскую печать на революционное движение, осуществлявшееся, по условиям времени, в основном через литературу, накладывало отсутствие гласности. Это хорошо знали наши люди, находившиеся внутри нашей истории. И соответственно реагировали.

Литература выработала свое, литературное подполье — это подтекст.

Посмотрите под этим углом зрения на мировую литературу — и вы увидите, что подтекст — это специфический российский прием. Какой европейский писатель в последние лет 300 пользовался этим приемом? Да никакой! По их условиям этот навык не мог выработаться. Они пишут один пласт, а не два, не три и не шесть. Какие слова написаны — такие и читаются: ничего другого в них не вложено и прочитано быть не может.

Не так у нас! Русский писатель умел писать между

строк, а русский читатель умел читать между строк.

Строки неизвестны широкому слою читателей. Пора ознакомиться. «...Понятие о так называемой у нас гласности, которую вернее было бы называть конноязычностью. Всему свету известно, что с русской гласностью, несмотря на юность и невинность этой скромной институтки, а может быть именно по причине ее чрезмерной стыдливости, произошло не мало неприличных историй, конфузаций бедняжку до слез... Находят, что она держит себя непристойно и ставят ей дурные баллы за поведение. В образованных странах такого обращения с девицами не допускают против, — да и гласность там уже не девица, стыдящаяся всего на свете, робеющая каждого упрека, а очень бойкая дама, которая не дает спуску никому. Там все ее хвалят, потому что она скрывает с белого света того, кто вздумал бы хоть заикнуться против нее. У нас не то: всякий норовит обидеть бедную девушку: и сплетница-то она, и нахалка-то она, и скандалезница-то она...»

Ничего себе памфлет, правда?

даря: он начал не с казней и ссылок декабристов, как предыдущий, а с амнистий и милостей (по отношению к тем же декабристам).

Во время обеда у Чернышевского один из гостей именно этому и радовался.

— Давай-то бог, Зигизмунт Игнатьевич, вашими устами мед пить... — заметил на это Некрасов, — а мне все как-то чудится, как бы нынешнее царствование не кончилось тем, чем предшествующее началось...

Это потом вспоминали как «пророчество певца». А по моему, Некрасов просто понимал, что на нового царя накатывает новая революционная волна, а не отработавшая старая, и царь, достаточно спокойный к откатившейся волне, с новой будет драться так же, как его предшественник дрался со старой, со «своей».

Вспомним «гражданскую казнь» М. Михайлова 14 декабря (дата восстания декабристов!) — вот вам и «нынешнее царствование». Царизм есть царизм. Никакие личностные различия между монархами не меняют контрреволюционной сущности царизма.

ходили на «эзоповский язык». Таковы были условия их деятельности. Читать их сложно. Ну так надо дать себе труд выучиться их читать! Надо подготовить себя! Для этого мало знать буквы, надо именно уметь читать.

Мы в долгу перед нашими демократами. Нам нужны книги и статьи (особенно для молодежи), помогающие непрофессиональному читателю войти в строй их понятий, образов, в стихию их языка. Они должны быть поняты и любимы современным читателем.

Время само по себе ничего за нас не делает. Время только подгоняет: пора уж эту работу проделать.

Демократы социальные прежде всего. В своем творчестве они захватывают огромные пласты именно социальной жизни, а потому формируют в читателе личность коллективистскую, общественную, революционную.

Один из способов выработать коллективистские, общественные начала у молодежи — это брать наследие демократов, пропагандировать и нести молодым! Это лучшее, чистейшее. Научившись читать их, мы лучше поймем всю марксистско-ленинскую литературу.

СУДЬБА НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Какая-то игривая Усмешка чуть заметная У каждого в очах...

Нет гласности, нет! И тем не менее в стране звучала (по Ленину) «...могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров...»

Как же он это делал? В работе «Что такое «друзья народа...» Ленин подробно анализирует, как именно Чернышевский достигал успеха. Вот, например, период подготовки так называемой «реформы». Чернышевский ясно видел основной буржуазный характер подготавливаемой «реформы» (Ленин называет эту ясность оценок гениальностью).

Как изложить свои взгляды, чтобы читатель их понял, а цензор пропустил? Чернышевский пишет о принятии мер для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед.

Цензор, как мартышка из басни Крылова, то понохает статью, то полижет — статья не действует никак! «Тьфу, пропасть!..» и т. д.

А читатель понимает! Русский читатель, сформировавшийся в тех же условиях, что и писатель, сразу догадывается, что неспроста автор увлекся кухней, и смекает, где речь идет о крестьянских платежах, где — об антагонизме классов.

В нелегальных произведениях Чернышевский писал то же самое, но открытым текстом, одним слоем: «У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обзывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка».

Чернышевский понимал, что бюрократы и крепостники в состоянии сделать только «мерзость». Это потолок их возможностей. Они поманят народ призраком обеспечения и свободы — и произведут «мерзость». Ни одно дело не может выйти неизгаженным из рук самодержавного правительства.

«И он (по Ленину) протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получил крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов».

Так все и оказалось, как предвидел Чернышевский. Царское правительство изгадило великое дело освобождения, и вся передовая публицистика встретила «реформу» громогласным... молчанием. Молчание — это тоже подтекст, хорошо понимаемый русским читателем.

Хочу процитировать памфлет Чернышевского, посвященный российской «гласности». Он до сих пор прак-

Чтобы говорить через голову цензора о крепостничестве и самодержавии, Чернышевский вводил в свой текст понятия «азиатство» и «самодурство». «Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилён. Опираясь на него значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие».

Разумеется, цензура марала статьи Чернышевского страшно. Но он изобретал новые и новые приемы. Хорошо помогала историческая тема, когда не он, не Чернышевский, а кто-то далекий и безобидный для российских властей «изобличал лживость пышных фраз о свободе, которыми усыпляют страдания обманутой массы».

Часто проводится мысль: дело не в лицах, а в общей системе, которая даже лично «честного» человека превращает во взяточника и угнетателя. Значит, надо ломать систему в целом.

Из вычеркнутых цензурой, но сохранившихся текстов Чернышевского:

«Апатия у нас изумительная; она так поразительна, что многие называют нас народом ленивым. Мы не знаем, существуют ли на свете ленивые народы... Мы заметим только, что в нашем климате лень никак не может находить себе места, если б и могла принадлежать каким-нибудь другим племенам, живущим под полюсами или под тропиками. Смешно говорить о наклонности к лени в человеке, который в пять или шесть месяцев должен запастись средствами к жизни на целый год; но, между тем, не подлежит сомнению, что мы работаем хуже, нежели, например, англичане и немцы».

В чем же причина того, что мы работаем хуже немцев? А не бывает таких людей, одновременно бесправных в приказной избе и энергичных на ниве. Если человек почесывает себе затылок и перемывается с ноги на ногу в приказной избе, он «будет таким же вахлаком и за сохою».

Это основание, нижний, почвенный пласт взметнувшейся через десятилетия идеи: высшая ценность для человека — участие в революционном переустройстве мира; без участия рабочего в политике не может быть поднята сознательная активная масс — главная движущая сила материального и духовного прогресса.

Еще раз Ленин о Чернышевском: «...Он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».

После кончины Николая Первого много было радостей по поводу восшествия нового

А студент Добролюбов оперативно откликнулся на роование нового царя:

И будет Русь страдать при сыне bestолковом Как тридцать лет страдала при отце.

...Действительность, социальная обстановка наложила печать не только на творчество демократов, но и на политику редактора-демократа. Бедняга Некрасов на смертном одре предчувствовал, что и после смерти его не оставят в покое «обвинители» за его так называемые «идеологические взятки», то есть те вынужденные компромиссы, которые дали ему возможность не стогреть огнем, пусть красивым, и после этого еще красивее и «честнее» замолчать, а в течение десятилетий вести через свои журналы революционно-демократическую пропаганду.

Родина милая, сынд лежачего благослови, а не бей!.. В том лишь виновен, что многого, многого Здесь мне не дали сказать...

Знаменательно, что Чернышевский и Добролюбов всегда относились к великому народному поэту, как к человеку абсолютной политической честности. Они сами вели революционно-демократическую пропаганду и лучше других понимали, каковы условия, в которых ведется революционная работа.

...5 июля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу письмо о приговоре Чернышевскому. Сенат «выслал в Сибирь этого хитрого человека, который «так ловок», как значит в приговоре, что «сохраняет в своих сочинениях неуязвимую с точки зрения закона форму и вместе с тем открыто изливает в них яд».

Вот это и есть условия, в которых работали демократы. Поскольку за сочинения, неуязвимые с точки зрения закона, сослать нельзя, Чернышевского осудили на основании инспирированных фальшивок. Отсутствие гласности, отсутствие открытой идейной борьбы загоняет в подполье обе стороны: революционная литература уходит в подтекст, контрреволюция опускается до провокаций и подтасовок, то есть до непристойных методов идейной борьбы.

Но, кроме того, что Чернышевский, согласно фальшивкам, оказался «зловредным деятелем в отношении к государству», в сенатском определении по делу содержится и оценка его литературной деятельности: «имел большое влияние на молодых людей, в коих со всею злою волею... развивал материалистические в крайних пределах и социалистические идеи... был особенно вредным агитатором...»

Чернышевского надо уметь читать. И не только его, а всех революционных демократов.

И Щедрин, и Чернышевский использовали подтекст, пере-

НАТЫКАЕШЬСЯ иногда на прелюбопытные детали! Заключенных в Петропавловской крепости одевали во все казенное, включая носки, а вот шляпу разрешали иметь свою. Любую, но не цилиндр! А почему бы не цилиндр, а? Тут замешаны, по моему, какие-то представления о приличиях... Вот опять мелькнуло... Это ирония Ленина. Он высмеивает отношение Кавелина к Чернышевскому: революционеру «...так бестактно, что попадают в Петропавловку».

Чернышевский пошел гораздо дальше простой бестактности попадания в крепость. Впервые в истории русской тюрьмы и ссылки он применил там голодовку как форму протеста. Там же он написал роман и бестактно обогорил цензуру, обманул дешевым детективным началом. Цензор то понохает, то полижет, роман не действует никак. «Тьфу, пропасть!..» и т. д.

Роман «Что делать?» воспринял целые поколения революционеров, следующих за Чернышевским по возрасту. Он до сих пор на острие идеологической борьбы. До сих пор один из укрепляет и просветляет духом, другие... другие до сих пор ухмыляются: «нежизненно», «нехудожественно», «новых людей не бывает». Взаимоисключающие противоположности естественно дают взаимоисключающие оценки одному и тому же явлению.

Мне представляется, что Салтыков-Щедрин наиболее точно из всех сформулировал и сущность романа (в единстве его силы и его слабых сторон), и сущность идейной борьбы вокруг него, и уровень противников.

«...Роман серьезный, правдивый, проводящий мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывающий на эти основы». По мнению Щедрина, Чернышевский «не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей, а именно тех подробностей, для предугадывания и изображения которых действительность не предоставляет еще достаточных данных. Для всякого разумного человека это факт совершенно ясный, и всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе: они обходят существенное содержание романа и придуряют насчет подробностей...»

Этим романом закончилась насильственно оборванная революционная деятельность Чернышевского...

Черный помет, черный столб с железной цепью, два палача, переломленная над головой шпала и т. д. Средневековый уровень Александра (по-либеральному «Освободителя», по-революционному «Вешателя») и его правительства проявился во всем блеске.

...Слишком медленно уходит то, что существовало веками! После спектакля на черном помосте пройдут годы, и уж потом, глядя в будущее (!), Щедрин напишет свое жуткое пророчество: «Да, крепостное право упразднено, но еще не сказало своего последнего слова».

Е. ЛОСОТ.

(Продолжение. Начало см. в номерах от 25, 26 сентября с. г.)